

Автор

Рокси айнол

БЕЛЫЙ ПЕПЕЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рокси Айнол

Белый пепел

<https://litres.ru/73909844>

SelfPub; 2026

Аннотация

1944 год. Ленинград. Блокада.

Маше девять лет. У неё есть мама, которая не встаёт с кровати, и сестра Катя, которой пять. И есть хлеб — сто двадцать пять граммов на троих.

Маша делит. Себе — крошки. Кате — половину. Маме — остальное.

Она ходит на Неву за водой по Тропе смерти, где трупы лежат вдоль дороги как брошенные куклы. Она не смотрит на них. Смотрит только под ноги.

Лейтенант встречает её у полыньи. Завязывает платок. Даёт хлеб и сахар.

— За такую улыбку ничего не жалко, — говорит он.

А потом дом рухнет. И осколок войдёт в глаз. И нога сломается так, что кость прорвёт кожу. И Маша будет лежать на полу, обнимать сестру и улыбаться.

Потому что мать дышит. Потому что Катя жива.

А ворон уже ждёт на подоконнике.

Рокси Айнол

Белый пепел

Глава 1. Там, где кончаются дороги

1942 год.

Андрей отошёл от подвала на три шага и остановился.

Ноги не слушались. Он слышал, как там, внутри, всё ещё пахнет смертью — той самой, которую он принёс.

— Я положил ему фотографию, — сказал он в пустоту. — На грудь. Чтобы с ней... чтобы не один.

Ворон сидел на его плече. Тяжёлый, чёрный, молчаливый.

— Он её не видел. Он уже ничего не видел.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Андрей посмотрел на свои руки. Прозрачные, чужие, холодные.

— Чтобы я видел.

Пауза. Длинная, как вечность.

Ворон каркнул. Коротко, сухо, почти равнодушно.

— Ты усложняешь. Там, — он мотнул головой куда-то в сторону востока, — есть одна. Проще. Чище. Она даже не знает, что её уже выбрали.

— Кого?

— Девочку. Маша. Ей девять. Она умрёт через два года. От голода. И будет улыбаться.

— Почему от голода? — Андрей нахмурился. — В Ленинграде уже кончилась блокада.

Ворон каркнул — на этот раз длиннее, с хрипотцой, похожей на смешок.

— Блокада кончилась. А она — нет. Она будет таять. Своими руками. Своим ртом, который она закрывает. Она перестанет есть, Андрей. Не потому, что нечего — потому что решит. Она узнает, что умирает, и ускорит это. Ради сестры.

Чтобы той досталось больше хлеба.

Андрей молчал. Смотрел на свои прозрачные руки.

— Ты хочешь, чтобы я её забрал?

— Нет. Я хочу, чтобы ты посмотрел. Как она сама идёт к смерти. Как улыбается, когда в последний раз отдаёт сахар. Как ползёт прощаться, когда уже не видит и не слышит. Вот это, Андрей, — игрушка. Не та, что ломается от удара. А та, что ломает себя сама.

Ворон взлетел и закружил над руинами.

Андрей остался стоять. Один. Холодный. Мёртвый.

Где-то далеко, в 1944 году, девочка Маша в этот момент проснулась и улыбнулась маме.

Она ещё не знала, что её уже ждут.

И что она сама решит уйти.

Глава 2. Утро

Наступило утро, и Маша, проснувшись, ощутила запах пепла и хлеба.

Хлеба было так мало, что на целый кусок даже не пахло — просто память о нём, тонкая, как нитка. Но она не расстроилась. Она уже давно не ждала, что будет много.

Она повернулась к Кате.

Та лежала, свернувшись клубочком под старым пальто, и дышала так тихо, что Маша каждый раз замирала — вдруг не дышит?

— Катенька...

Она тронула сестру за плечо и тут же отдёрнула руку.

Катя была холодная. Не как живой человек, который просто замёрз, — а как та вода в ведре, что покрывается льдом за ночь.

— Катя!

Веки дрогнули. Медленно, тяжело, как ставни у заброшенного дома, Катя открыла глаза.

— Маш... я лето видела... — голос был тонкий, как тот хлебный запах. — Там трава зелёная...

— Погоди с летом. Смотри.

Маша разжала кулак. На ладони, на серой тряпице, лежал ломтик хлеба. Маленький, почти прозрачный, но настоящий. Его запах ударил в нос, и у обеих закружилась голова.

— Откуда?..

— Мама оставила.

Катя не спросила, где мама. Она уже знала, что мама не встаёт вторые сутки. Она просто смотрела на хлеб.

— Ешь, — сказала Маша. — Только медленно. Крошки не потеряй.

Катя взяла хлеб дрожащими пальцами. Поднесла к губам. Вдохнула. И вдруг замерла.

— А ты?

Маша уже убрала руки за спину. Сжала их так, что ногти

впились в ладони. Улыбнулась.

— Я ела. Утром. Ешь, Катюш. Ты расти должна.

Катя посмотрела на неё долгим, взрослым взглядом. Слишком взрослым для пяти лет.

А потом отломил крошку и положила в рот.

За окном выл ветер. Иней на стенах поблёскивал в тусклом свете коптилки.

Маша смотрела, как сестра жуёт, и считала про себя: раз, два, три, четыре...

Она не знала, сколько ещё продержится.

Но знала, что Катя должна жить.

И уже тогда, в глубине, где-то там, где ещё не было ран, не было осколка в глазу и сломанной ноги, — уже тогда в ней жила эта странная, страшная правда: если придётся выбирать, я выберу не себя.

Глава 3. Мать

Маша сидела на табуретке у кровати матери.

Табуретка была старая, разохшаяся, и каждый раз, когда Маша двигалась, она жалобно скрипела. Маша старалась не двигаться.

Мать лежала под грудой тряпья — старых пальто, рваных одеял, всего, что могло греть. Но она всё равно дрожала. Мелко, непрерывно, будто внутри у неё работал какой-то сломанный механизм.

— Мам, — позвала Маша тихо, чтобы не разбудить Катю в углу. — Мам, ты слышишь меня?

Мать открыла глаза. Они были мутные, как вода в луже перед замерзанием. Но когда она увидела Машу, в них что-то мелькнуло. Узнавание. Любовь. Боль.

— Машенька... — голос был сухой, как прошлогодняя трава. — Ты ела сегодня?

— Ела, мам.

— Не ври.

Маша промолчала. Она не умела врать матери. Мать всегда видела насквозь.

— Поди сюда.

Маша наклонилась ближе. Мать подняла руку — медленно, с трудом, будто та была чугунной. Пальцы коснулись Машиной щеки. Холодные, шершавые, почти неживые.

— Худая-то какая, — прошептала мать. — Кожа да кости. А я... я тут лежу, как бревно. Ни встать, ни помочь.

— Ты помогаешь, мам. Ты просто лежи. Я сама.

Мать закрыла глаза. По щеке у неё потекла слеза — редкая, потому что воды в теле уже почти не было. Маша вытерла её пальцем.

— Я воды согрела, — сказала она. — Немножко. Ты попьёшь?

Мать не ответила. Она, кажется, опять провалилась в тот страшный сон без сновидений, который был хуже голода.

Маша встала. Ноги затекли, пришлось постоять, пережи-

дая, пока колени перестанут дрожать.

Она подошла к печурке, где в закопчённом чайнике томилась вода. Налила в кружку — до половины, больше нельзя, дров почти нет.

Вода была тёплая. Не горячая, нет — на горячую не хватило бы сил. Но тёплая.

Она вернулась к кровати.

— Мам. Мамочка. Попей. Легче станет.

Мать не открывала глаз. Маша приподняла ей голову, подсунула руку под затылок. Голова была лёгкая, как у птицы. Маша поднесла кружку к губам.

— Пей, мамуль. Я здесь. Я рядом.

Мать сделала глоток. Потом ещё один. Вода текла по подбородку, Маша вытирала её тряпицей.

— Хватит, — прошептала мать. — Сама выпей.

— Я попозже.

— Сейчас.

— Мам...

— Сейчас, Маша. Я сказала.

Голос вдруг стал твёрдым. Мать открыла глаза и посмотрела на неё тем взглядом, каким смотрела когда-то, когда Маша была маленькой и не слушалась.

Маша поднесла кружку к своим губам. Сделала маленький глоток. Вода обожгла рот — не теплом, а самим вкусом жизни. Она с трудом проглотила, чувствуя, как внутри что-то сжимается от голода.

— Ещё, — сказала мать.

— Я больше не хочу.

— Врёшь.

Маша допила. До дна. Каждая капля отдавалась в пустом желудке болью и благодарностью.

— Молодец, — мать закрыла глаза. — А теперь иди к Кате. Поспи. Я пока полежу.

— Я не уйду.

— Маша...

— Я здесь буду. Я тихо.

Она села на пол, прислонившись спиной к кровати, чтобы чувствовать материнское тепло — то немногое, что ещё оставалось. Обхватила колени руками, уткнулась в них лицом.

За окном уже темнело. Или светало? Маша давно перестала различать. Было просто: темно — значит, ночь. Светло — значит, надо вставать и искать, чем кормить Катю и маму.

Она задремала. Ненадолго, на несколько минут. Ей приснилось лето, трава по пояс, и мама молодая, без седины, смеётся и зовёт её купаться на речку.

А потом что-то заставило её открыть глаза.

Она не знала, что именно. Может, скрип. Может, ветер. Может, просто чувство — то самое, которое бывает, когда на тебя смотрят.

Она подняла голову и посмотрела в окно.

Там, на голой ветке старого тополя, сидел ворон.

Чёрный. Большой. Он не шевелился, только смотрел прямо на неё красными глазами.

Маша замерла.

Ворон мигнул. Медленно, будто нехотя. И вдруг каркнул — один раз, коротко и громко. Звук разорвал тишину, как выстрел.

Маша вскочила, прижалась к кровати.

— Мам... — прошептала она.

Но мать не слышала. Она дышала — еле-еле, но дышала.

Маша снова посмотрела в окно.

Ветка была пуста.

Глава 4. Тропа смерти

Немного посидев, Маша поднялась.

Тело слушалось плохо — будто не своё, будто одолженное у кого-то на время и уже почти просроченное. Колени дрожали, когда она нагнулась за ведром. Пустое, оно всё равно казалось тяжёлым — костяным, чугунным, неподъёмным.

Она поставила его на санки, примотала верёвкой. Руки негнулись от холода, пальцы распухли и потеряли чувствительность, но она затянула узел зубами, как учила мать прошлой зимой.

— Я скоро, — шепнула она в сторону кровати.

Мать не ответила. Катя во сне что-то пробормотала — может, про лето, про траву, про ту жизнь, которой они уже не помнили.

Маша вышла.

Снег скрипел под ногами, как сырая кость. Город молчал. Не тишиной — отсутствием. Ни собак, ни птиц, ни детских голосов. Только ветер, только где-то далеко — стук, похожий на работу сердца, но это был не пульс, это работал завод за Невой, если завод ещё держался.

Она знала эту дорогу наизусть. Каждый сугроб, каждый выступ, каждое место, где можно споткнуться о то, что уже не встанет.

Их было много сегодня. Больше, чем вчера. Лежали вдоль тропы, как брошенные куклы. Кто-то застыл сидя, прислонившись к стене. Кто-то уткнулся лицом в снег и так и остался.

Маша не смотрела. Она научилась не смотреть.

Но запах — от запаха нельзя было научиться.

Она зажимала рот платком и шла дальше. Впереди была вода. Без воды они умрут. Она уже почти не чувствовала страха. Страх требует сил, а сил не было. Осталось только: надо.

Надо принести воду, чтобы Катя могла пить. Надо, чтобы мать прожила ещё один день. А потом — ничего. Потом можно и упасть.

Она думала об этом спокойно, как о чём-то давно решённом. Я умру. Я знаю. Но сначала — вода.

Глава 5. Нева

Река дышала холодом. Чёрная полынья, вырубленная во льду, парила, как рана.

Спуск был крутой, скользкий, ледяные ступени, выбитые сотнями ног до неё. Одно неверное движение — и ведро покатится вниз, а за ним и она сама, и никто не найдёт до весны.

Маша остановилась наверху, вцепившись в санки. Смотрела вниз и не могла сделать шаг.

— Долго стоять будешь — замёрзнешь.

Голос был глухой, усталый, но живой.

Она обернулась.

Лейтенант стоял в двух шагах. Молодой, но лицо старое — серое, обветренное, с глазами, которые видели слишком много. Шинель залатана в трёх местах, на шапке — след от пули. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было жалости. Было что-то другое. Узнавание.

— Давай, сестрёнка, помогу.

Он взял санки, легко, будто они ничего не весили, и начал спускаться. Маша пошла следом, хватаясь за его шинель, чтобы не упасть.

У воды он зачерпнул ведро, поставил на лёд, выпрямился. Посмотрел на неё внимательно, долго, будто считал рёбра сквозь пальто.

— Ты как вообще ещё ходишь? — спросил он без удивления, просто констатируя факт. — Тебя ж ветром сдует.

— Я держусь, — ответила Маша.

Она поправила платок — он всё сползал, мокрый от дыхания, колючий на ощупь. Пальцы не слушались, узел не завязывался.

— Дай сюда.

Лейтенант шагнул ближе, ловко, по-мужски, затянул платок под её подбородком. Руки у него были тёплые. Маша давно не чувствовала тёплых рук.

— Как дома-то? — спросил он, стараясь, чтобы голос зву-

чал бодро, но получалось плохо. — Мать твоя, Анна Петровна, всё так же лежит? А Катька маленькая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.